

Женщины, когда ходят по магазинам, и правда страшные существа.

Тётя Лю и Линь Мэйи шли и болтали, а Цзян Цинъюань с Хань Лэцзя выполняли роль носильщиков и покорно плелись следом. Они обошли торговую площадь с востока на запад, заглянули в супермаркет, а под конец прошли рынок «Дадэли» от первого этажа до третьего.

Еда, напитки, одежда, бытовые мелочи — набрали всего понемногу, а вместе вышла целая гора. В прошлой жизни Цзян Цинъюань всё-таки был человеком тренированным, поэтому весь день таскал пакеты туда-сюда и ни разу не показал усталости.

Притворялся.

И даже за это удостоился похвалы тёти Лю.

— Ох, какой у тебя всё-таки хороший мальчишка. Моего только позови по магазинам — ни в какую не идёт, — слегка пожаловалась тётя Лю. — Я же ему самому вещи покупаю! А он упёрся: мол, тебе просто нужен кто-то сумки таскать. Ну что за ребёнок...

Линь Мэйи ответила:

— Да где же он послушный? Дети они и есть дети, терпеть не могут ходить по магазинам. А то, что мы выбираем, им вечно не нравится. Всё обязательно сами хотят покупать.

Говорила она вроде бы с жалобой, но уголки губ уже приподнялись.

— Вот уж не понимаю, что такого красивого они там выбирают.

— Точно-точно. Им лишь бы красиво было. На ткань, качество — вообще не смотрят, совсем покоя не дают. Я им говорю: и долго вы это носить будете? Моё-то и красивое, и удобное!

— Эх, говоришь-то ты так, сестрица Лю, а сама каждый раз ребёнка слушаешь. Ну нравится и нравится. Мы ведь всё равно ради детей стараемся...

— И то верно...

...

Ох уж эти мамы — сколько из них сближаются именно на жалобах о детях. Хотя их дети уже взрослые, в глазах родителей они всё равно остаются малышами. Цзян Цинъюань давно к такому привык и специально отстал на пару шагов, оказавшись последним.

Он слишком долго нёс пакеты, и пластиковые ручки уже вдавили красную полосу во вторые фаланги пальцев правой руки. Цзян Цинъюань переложил всё в левую, сжал и разжал правую, чтобы отпустило онемение, а потом повторил всё другой рукой.

Руки болели.

И на душе было кисло.

Хань Лэцзя тихо шла следом. Она и с тётей Линь, и с Цзян Цинъюанем пока была не слишком близка, поэтому ей было немного неловко выходить с ними куда-то вместе. Но отказаться от предложения пройтись по магазинам она тоже не смогла.

С тётей Лю с нижнего этажа она тоже почти не общалась. Обычно Хань Лэцзя жила в общежитии, а когда приезжала домой, с тётей Лю не разговаривала. Да и встречались редко: при встрече улыбнуться, поздороваться — и на этом всё.

Сейчас она понятия не имела, что говорить и что делать, поэтому просто молча шла рядом.

Тётя Линь купила ей кучу вещей. Хань Лэцзя было ужасно неловко, она хотела сама нести пакеты, но тётя Линь сказала:

— Пусть брат несёт, он сильнее.

И тут же ласково взяла её под руку. Лишь когда покупок стало совсем много, ей позволили взять несколько лёгких пакетов.

Хань Лэцзя тоже пыталась разговаривать с двумя тётями. Тётя Линь всегда внимательно её слушала и подробно расспрашивала, что ей нравится.

Хань Лэцзя чувствовала, как внутри становится тепло и полно, будто по телу разливается тёплая родниковая вода.

Пакет в руке качался в такт движениям и шагам. Она заложила обе руки за спину, и пакет ритмично стучался о ноги.

Все, кажется, смотрели на товары в магазинах. Никто за ней не наблюдал.

Она тайком, совсем чуть-чуть подпрыгнула.

Осмотрелась — никто не заметил.

Подпрыгнула ещё раз.

В сердце тихонько прокралась маленькая радость. Наверное, она сошла с ума: даже клочок бумаги, подхваченный ветром, казался ей милым.

Она снова оглянулась назад и как раз увидела маленькое движение Цзян Цинъюаня.

Хань Лэцзя всё ещё помнила его вчерашнее: «У женщин вечно столько дел». Увидев, как Цзян Цинъюань тайком перекладывает пакеты из одной руки в другую, она хотела поддеть его — мол, что, тяжело? Но слова застряли в горле. Стоило вспомнить, что он таскает ещё и её покупки, и издеваться уже не получалось.

Не думала, что он окажется таким послушным и всё это время будет помогать.

Она подумала: «Вчера вечером я ему не ответила. В следующий раз обязательно найду возможность и обязательно как следует посмеюсь над ним! А сегодня ладно».

Человек, который так не уважает девушек, мне не брат! Не признаю!

Она замедлилась на пару шагов и поравнялась с Цзян Цинъюанем. Тот увидел её лицо — будто хочет что-то сказать и не хочет одновременно — и, поддерживая свой «истинный образ» молчаливого человека, который игнорирует героиню, ничего не сказал.

— Эй, — позвала Хань Лэцзя.

Первое: меня зовут не «эй». Второе: меня зовут Цзян Цинъюань.

Цзян Цинъюань покосился на неё:

— Чего?

— Дай мне часть вещей.

И тут же поняла, что сказала двусмысленно, поэтому поспешно добавила:

— Я имею в виду, дай мне что-нибудь понести. Я помогу.

Она видела, как я тайком менял руки?

Нет. Не верю.

Чтобы сохранить холодный образ, Цзян Цинъюань без выражения сказал:

— Не надо. Неси своё.

— ...Ладно.

Она всё ещё была с ним не знакома как следует, поэтому после отказа не знала, что ответить. Молча ускорила на пару шагов и догнала двух тёт.

...

Автобусы ходили с шести утра до шести вечера. Кроме того, во время учебного семестра с половины десятого до половины одиннадцатого вечера они развозили студентов нескольких университетов Синьчэна: именно на этот промежуток приходилось окончание вечерних занятий. Да, многие студенты жили дома.

Хотя официально движение заканчивалось в шесть, после пяти сорока ждать автобус уже было тяжело. Обычно люди старались оказаться на остановке до половины шестого. Утром они приехали сюда на автобусе, и, если ничего неожиданного не случится, домой тоже поедут на нём. Маленький бедный город есть маленький бедный город: инфраструктура во многом не дотягивает, но что поделать.

Цзян Цинъюань посмотрел на время — почти пять. Он облегчённо вздохнул: долго ждать не придётся, скоро можно будет домой.

Народу на улицах было полно, на остановке — тоже. Когда четверо наконец втиснулись в автобус, свободных мест давно не осталось. Все стояли, одной рукой держась за поручень, другой — за пакеты.

В салоне перекрывали друг друга разговоры и объявления остановок. А ещё какой-то дедушка вёз в бамбуковой клетке двух кур и одну утку, которые яростно перекрикивались между собой.

И не только звуки — ещё и запахи.

Запах табака смешивался с автомобильным духом. Автобус то тормозил, то трогался, качало из стороны в сторону, и Цзян Цинъюаня начало мутить.

Казалось, салон уже забит до предела, но на каждой остановке всё равно умудрялись влезть новые люди. Не зря говорят: «Место в автобусе — как вода в губке. Сожми посильнее, и ещё найдётся».

Он уже давно не ездил на автобусах. В прошлой жизни после начала работы он купил в кредит

маленькую машину, а обычно чередовал машину и метро. Теперь всё это вдруг до боли напомнило студенческие годы.

Так реалистично.

Особенно те несколько раз, когда кто-то наступил ему на ногу.

Когда они наконец вернулись домой, Цзян Цинъюань выглядел так, словно потерял семь душ из десяти. А три женщины даже в лице не изменились.

Линь Мэйи заметила, что с ним что-то не так, и забеспокоилась:

— Что случилось, А-Юань? Тебя укачало? Мне кажется, раньше тебя вроде не укачивало.

Тётя Лю тоже тут же оживилась, осмотрела Цзян Цинъюаня и доброжелательно предложила:

— Укачало? У меня дома есть таблетки. Сейчас принесу пару.

— Ничего, просто автобус слишком трясло. Немного посижу — пройдёт.

Цзян Цинъюань решил, что просто его сознание пока не привыкло к местным автобусам. Несколько поездок — и адаптируется. Прежнего хозяина тела не укачивало, его самого тоже. С чего бы вдруг начать?

До темноты оставалось ещё время, и он вернулся в комнату, чтобы тайком порешать настоящие экзаменационные задания для магистратуры. С учебником и долгими размышлениями он закончил оба теста. Несколько задач оказались неправильными — он всё отметил.

Через некоторое время он собирался пройти их ещё раз.

В этом мире студентам никогда не не хватало задач для подготовки в магистратуру. Стоило покопаться в шкафу — обязательно находилось несколько сборников.

— Вот она, счастливая студенческая жизнь, — подперев подбородок, вздохнул Цзян Цинъюань.

Совсем не похожа на его прошлую учёбу. Здесь мучение сплошное: будто старшую школу продлили ещё на шесть лет. А потом поступишь в магистратуру — и снова мучайся.